

Разведывательная работа германского Генштаба против армий Северного фронта и борьба со шпионажем в 1915–1917 годах (из документов Архива УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленобласти)

Публикация В. А. Иванова

«... при вербовке немцы всячески избегают грубость, насилие, наоборот всячески стараются привлечь симпатию гуманным товарищеским обращением»

Из доклада начальника КРО Северного фронта

**Иванов
Виктор
Александрович**
доктор
исторических наук,
профессор,
заслуженный работник
высшей школы РФ,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

Б. Г. Лиддел Гарт в эпилоге к своей знаменитой «The real war 1914–1918» еще в 1930 г. довольно точно заметил, что «беспомощность, как правило, влечет за собой отчаяние, а история подтверждает, что исход войны решается потерей надежды (но не потерей жизни)!»¹ С этим заключением трудно не согласиться, особенно если предметом научного анализа выступает деятельность контрразведывательных служб русских армий, участвующих в Первой мировой войне, в частности, накануне февральских событий 1917 г. Скорее, именно в их недрах к этому времени обращалось более пристальное внимание на моральные аспекты войны и противоборства, на надежды и отчаяния втянутых в них российских солдат и офицеров, чем это делалось в 1914–1915 гг.

Очевидно уместно заметить и то обстоятельство, что сама война и весь ее романтично-патриотический «антропомагнетизм» к началу 1917 г., по крайней мере для российского общества, фрагментировались в своеобразные энергетические поля с разноуровневой и явно отрицательной кинетикой. К тому же еще затруднительно сказать — ставились ли вообще в эти годы кем-либо задачи по организации неких замеров таких «напряженностей», разрушающих надежды на победу, мир и процветание.

Скорее именно органы российской контрразведки стали первыми структурами, исследующими не только уровни интенсивности разведывательной деятельности германских спецслужб на территории российской империи в период войны, но и тщательно анализирующими перемены в общественном сознании и настроениях в различных слоях общества.

Однако многие неудачи государственного управления и военно-политического руководства в годы войны в последствии были «списаны» на служебные промахи разведывательных и контрразведывательных служб страны, неэффективность и крайне низкий уровень профессионализма их сотрудников. С. С. Турло, считавшийся в чекистской среде специалистом по истории спецслужб, в том числе и российских, писал в 1924 г., что «Мировая война 1914-1918 гг. — это война сюрпризов, война изобретений и хитростей умов, из которых русский ум самостоятельно ничего не выдумал и не дал — о нем говорить не стоит. Ум германца все предусмотрел, предвидел, изобрел ...»² Другой эксперт (по агентурной разведке. — В. И.) К. К. Звонарев в 1929 г., анализируя в частности агентурную деятельность штаба Северного фронта с декабря 1915 г. по октябрь 1917 г., утверждал о якобы провальном характере разведывательной и контрразведывательной работы армий и штаба Северного фронта по «германской линии»³.

Эти оценочные позиции в отношении деятельности российских спецслужб периода Первой мировой войны оставались практически нетронутыми вплоть до начала 1990-х гг. Заметное влияние на них оказывали заключения и выводы авторитетных отечественных и зарубежных исследователей истории этой войны и революции 1917 г. Так, уже упомянутый нами Б. Г. Лиддел Гарт писал о неспособности России в этот период к осуществлению осмотрительной стратегии, медлительности и несовершенстве всей государственной машины⁴. О глубоком разложении армии в 1917 г. рассуждал один из признанных военных специалистов Н. Н. Головин, издав за границей в конце 1930-х гг. свою работу об участии России в Первой мировой войне⁵. Правоту его выводов позже подтвердил историк Великой революции 1917 г. Г. Л. Соболев⁶. Он, в частности, заметил, что высшее военное командование свалило собственные просчеты и некомпетентность на якобы распоясавшихся «германских шпионов» в российском тылу и армии, поднимая тем самым и без того высокий градус шпиономании в стране⁷. В. Б. Никитин, бывший начальник контрразведки Петроградского военного округа в своих воспоминаниях об этом периоде отмечал, что революция пришла в Армию с тыла, создав для немцев в России широчайший простор, упрощая их задачи⁸.

В свою очередь выходцы из отечественных спецслужб разных поколений размышляя о причинах неудач русского оружия в Первой мировой войне пытались найти и другие аргументы, относящиеся к проблемам государственной безопасности в этот период. Н. С. Батюшин, к примеру, был твердо убежден в том, что высшему руководству страны многие аспекты разведывательной и контрразведывательной деятельности казались второстепенными, мелочными⁹.

Анализируя опыт организации контрразведывательных органов России в том числе и в годы Первой мировой войны сотрудник спецслужб В. М. Мерзляков делал вывод о том, что «Когда власть предрешающие не разрешают накапливающихся в обществе противоречий, тогда неминуемо, — как бы ни были совершенны спецслужбы, какие бы талантливые и дальновидные люди в них не работали, — стальные пружины противоречий безжалостно прорывают погнившую государственную оболочку»¹⁰. Исследуя деятельность российских контрразведывательных органов в 1914–1917 гг., генерал А. А. Зданович полагал, что ключевую ответственность за состояние организации противодействия разведывательно-подрывной деятельности германского Генштаба в тылу страны и русских армиях несло военное ведомство России, и которое с этими задачами в полном объеме не справлялось¹¹.

С. Н. Галвазин, опубликовавший ряд нормативных документов, касающихся деятельности российских контрразведывательных отделений (КРО) в годы Первой мировой войны, на материалах докладной записки КРО Юго-Западного фронта от 12 марта 1916 г. показал практически весь спектр проблем, связанных с низким уровнем руководства ими штабом фронта¹². Об аналогичных недостатках писали и другие авторы¹³. Как справедливо подметил В. О. Зверев, в основе побед и поражений российских спецслужб в начале XX в. следует вычленять и видеть в первую очередь «человеческий фактор», глубже изучать опыт предшественников¹⁴.

Соглашаясь с мнением многих отечественных и зарубежных исследователей, обоснованно считающих, что российская контрразведка работала чрезвычайно слабо, Б. А. Старков тем не менее выделяет в ее деятельности и позитивные моменты. Он, в частности, утверждает о том, что на протяжении всей Великой войны ей удалось сдерживать разведывательный натиск противника и даже получить некоторые данные о методах работы германской разведки¹⁵.

Вскоре мы убедимся в правоте данного заключения, обратившись к одному из документов, обнаруженных нами в архиве Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. В нем раскрываются особенности организации немецкими спецслужбами шпионажа при помощи агентов-ходоков в полосе армий Северного фронта с лета 1915 г. по осень 1916 г.¹⁶ Забегая вперед, скажем, что подобные наблюдения и обобщения сведений по постановке разведдеятельности агентов-ходоков противника за столь продолжительное время КРО других фронтов не предпринимались, хотя, безусловно, всюду изучался свой «местный» материал по данной тематике.

Контрразведывательное отделение Северного фронта было сформировано в августе 1915 г. в составе штаба фронта в связи с образованием Северного фронта. Отделение существовало и работало на основании разработанного в 1915 г. положения о КРО в военное время и подчинялось помощнику начальника разведывательного отделения (он же начальник КРО) штаба фронта. На 5 февраля 1917 г. (подготовка «Доклада». — В. И.)

начальником КРО являлся полковник В. Н. Чернышев (в последствии перешедший на службу в РККА¹⁷).

В ведение КРО входила территория, лежащая к северу от р. Двины, включая Двинский военный округ. Все КРО, находящиеся на этой территории, в том числе в районе Петроградского военного округа, в Финляндии и Прибалтике, а также КРО 6-й и 12-й армий и армий, находящихся на фронте, подчинялись КРО Северного фронта. Ему же подчинялись приморские и пограничные пункты¹⁸.

За период 1915–1917 гг. контрразведывательное отделение Северного фронта, совместно с другими КРО, подчиненными ему проделало огромный объем работы. К началу 1917 г. КРО располагало материалами по большинству разведывательных центров противника. Так, в сводке от 10 января 1917 г. были широко отражены сведения об организации германских разведывательных бюро и о проведении шпионских акций в России и союзных ей странах¹⁹. В конце мая 1917 г. КРО фронта обобщило последние агентурные сведения о шпионских и посреднических немецких организациях на территории «России и подведомственной фронтовой КРО»²⁰. В делах КРО Северного фронта отложились материалы по расследованию деятельности немецких или связанных с ними фирм: «Массив» (1915 г.), «Гаген» и «Общество Вальдгоф» (1915–1916 гг.), акционерного общества Данишевский (1915 г.), Рижского отделения «Всеобщей кампании электричества» (1915–1916 гг.) и многих других.

КРО Северного фронта вело переписку об использовании немцами в целях шпионажа русских паспортов, тайного телеграфирования, тайнописи и шифров. Специальное подразделение вело материалы по регистрации лиц, подозреваемых в шпионаже (списки подозреваемых в шпионаже лиц, высланных с территории фронта. — *В. И.*), бланки сведений о жителях Курляндской губернии, заподозренных в шпионаже (1916 г.), а также регистрационные карточки на лиц, подозреваемых в шпионаже с фотографическими снимками и дактилоскопическими оттисками (1916 г.), составленные КРО фронта. В 1915–1917 гг. контрразведкой была проделана большая работа по составлению алфавитных списков на лиц, заподозренных в шпионаже на всей территории, обслуживаемой КРО Северного фронта.

Фронтовая контрразведка в 1915–1917 гг. постоянно фиксировала данные о настроении населения Прибалтики, об его отношении к немцам; о смене в Прибалтийском крае гражданской и военной администрации немецкой национальности. В ее рабочих документах отложились списки всех высланных немецких подданных из прифронтовой полосы (Прибалтики. — *В. И.*) и г. Петрограда (1915–1917 гг.).

Все эти годы велась переписка с КРО 1-й, 2-й, 4-й, 5-й, 6-й, 10-й и 12-й армий, 42-го отдельного корпуса, Двинского, Минского и Петроградского военных округов, с Архангельским КРО, с Лифляндским, Курляндским, Эстляндским, Кронштадским, Псковским, Архангельским, Новгородским, Олонецким, Вологодским, Тверским, Витебским, Финляндским жандармскими управлениями и Петроградским охранным отделением о подозреваемых

в шпионаже лицах, о розыске шпионов и об учреждении охраны военных пунктов, сооружений, мостов и т.п.

Отрегулирована была и схема обмена оперативной информацией с КРО других фронтов. Так, 10 января 1917 г. Центральное Морское Регистрационное бюро (военно-морская контрразведка. — *В. И.*) информировала КРО Северного фронта о выявленных его сотрудниками маршрутах и «коридорах» заброски неприятельских разведчиков в полосу армий фронта²¹. Примерно в этот же период КРО Северного фронта получило сводку от КРО Юго-Западного фронта с ценнейшей информацией о новых приемах и способах передачи разведывательных данных, используемых разоблаченными шпионами и агентами противника²².

Под наблюдением агентуры КРО армий в 1915–1917 гг. оказались некоторые организации и объединения, чья деятельность по оценке контрразведки носила, выражаясь современным языком, «непрозрачный характер». В их числе оказались «Петроградский комитет по оказанию помощи евреям, пострадавшим от войны», «Центральная организация для достижения прочного мира» (1915–1916 гг.) и комитет организации «Непобедимая Россия» (1917 г.). В КРО Северного фронта были обработаны также сведения о фактах спекуляции (в том числе о скупке золота и монеты, вывозе запрещенных товаров), шантаже и вымогательстве.

И все же ценнейшим материалом, собранным и тщательно проанализированным многими сотрудниками КРО армий Северного фронта, позволяющим как бы «изнутри» увидеть всю немецкую технологию подготовки самого массового элемента своей шпионской сети — агента-ходока, нацеленного на боевые и тыловые части Действующей русской армии. Обнаруженный нами документ ценен еще и тем, что его содержание (до появления в период Временного правительства Наставления контрразведывательной части ГУГШ об иностранном шпионаже (1917 г.). — *В. И.*)²³ фактически в деталях раскрывало приемы деятельности вражеских разведчиков, методику их подготовки, заброски, контрразведывательного обеспечения и др.²⁴

Можно по-разному оценивать этот доклад начальника КРО штаба Главнокомандующего армиями Северного фронта от 5 февраля 1917 г., его своевременность и полноту, оперативное значение и универсальность. На наш взгляд, его содержание и «композиционное» построение во многом дает представление о чрезвычайно сложном процессе противоборства двух мощных в военном отношении государств: Германии и России, а также их разведок и контрразведывательных служб. И здесь однозначность оценок вряд ли будет уместной.

Как представляется, у российской контрразведки в 1915–1917 гг. было чему поучиться, равно как и у германской. Б. А. Старков прав, когда утверждает, что В. Николаи (руководитель германских спецслужб в годы Первой мировой войны. — *В. И.*) удалось в начале XX в. создать самую мощную спецслужбу в мире²⁵. В тоже время уместно заметить, что все тот же Вальтер Николаи в конце своей жизни высоко оценивал деятельность российской контрраз-

ведки во время Первой мировой войны и считал, что германским спецслужбам за этот период так и не удалось приобрести в России выигрышных оперативных позиций по ключевым приоритетам разведки²⁶.

В середине 1990-х гг. авторы «Белой книги российских спецслужб» утверждали, что в начале XX века одной из самых мощных была российская военная разведка (не упоминая о контрразведке), и, что накануне 1917 г. в России действовали опытные и довольно эффективные специальные службы: разведка – военная разведка ГШ; внутренней безопасности — охранное отделение ДП и корпус жандармов. «Не их вина в том, — заключают авторы «Белой книги», – что в России пал царский режим, который не смог вывести страну из глубокого политического, экономического и военного кризиса, в котором она оказалась на третьем году Первой мировой войны»²⁷.

Орфография и стилистические особенности документа сохранены.

Постановка немецкого шпионажа при помощи агентов-ходовиков против армий Северного фронта

Состоящий при
Разведывательном отделении Управления
ген. квартирмейстера штаба
главнокомандующего Армиями
Северн. фронта

Д о к л а д
Начальника Контр. развед.
отделения штаба Главнокомандую-
щего армиями Северного фронта

*5 февраля 1917 года
№ 1302
Действующая армия*

Постановка немецкого шпионажа при помощи агентов-ходовиков против армий Северного фронта

Общая характеристика

Руководя свыше года нашей тайной разведкой на Северном фронте, приходилось поневоле сталкиваться с германскими шпионами, изучать системы и способы ведения тайной разведки неприятелем, постепенно менялись, приравливаясь к изменившимся общим условиям на фронте и способам веления нашей тайной агентуры.

При этом каждое шпионское бюро отличалось особой, присущей только ему, своеобразностью в вербовке и подготовке агентов, имело, так сказать, свой определенный облик, почему вникая в систему и содержание инструкции германского агента, можно было заранее предсказать, каким именно бюро он выслан, напр. Митавским, или Туккумским.

Подобная же своеобразность существовала и при допросах наших агентов, почему приходилось предусматривать при отравлении нашего агента, каким бюро немцы будут его допрашивать, в случае его поимки, приходилось изучать психологию лиц, ведущих в бюро допрос, сообразно с этим приходилось инструктировать и даже распределять самих агентов для работы в районе определенного немецкого бюро.

Во время ведения нашей тайной разведки, мне приходилось изучать шпионские организации немцев в Туккуме, Митаве, Свенцянах, Кукинишках (Виленской губернии), Шавлях и Либаве, почему нижеизложенные сведения относятся лишь к этим бюро.

Сведения к.р. Сев. фронта об организации немецкой разведки и к.разведки на соотв. Германских фронтах.

Вербовка

Вообще кадры агентов набираются почти исключительно из местного населения, мужского и, реже женского. Поэтому, в районе 12-й и части 5-й армии преобладают латыши, южнее Двинска (5-я и 1-я армия) — литовцы и поляки.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что ни разу не встречалось иметь дело с агентами немецкой национальности, хотя среди местного населения таковых разбросано достаточно и в Курляндии, и в Литве и в Польше.

В весьма ограниченных размерах немцы пользовались также евреями. Отсутствие среди немецких ходоков — немцев и ограничение числа евреев, кажется, вызвано тем обстоятельством, что при позиционной войне крайне трудно их инструктировать, почему пользоваться ими можно лишь изредка и в исключительных, благоприятных случаях.

Летом 1915 года и осенью немцы в широких размерах пользовались также нашими военнопленными, не только нижними чинами и унтер-офицерами (особенно последними), но даже офицерами — прапорщиками поручиком. Например, в Митавской и Щавельской шпионских школах летом и осенью обучалось 6–8 нижних чинов и 2–3 офицерами, которые в первые дни приходили даже в форме. А затем уже переменяли ее на германскую или штатскую. На разведку, понятно, они отправлялись в нашей форме, под видом перебежчиков.

По профессиям среди агентов у немцев часто попадаются лица с уголовным прошлым, пониженной нравственности, заведомые жулики, пьяницы, воры-рецидивисты и т. п. К ним предъявляется одно лишь требование: любовь к крупным деньгам, каковых русские не в состоянии предлагать. Например, одному извозчику в Туккуме за проход в Шлок и обратно

(6-7 дней) немцы уплатили 300 руб. Вторично извозчик отказался пойти на разведку и уехал из Туккума.

Правда, чаще всего агенты вербуются из крестьянского населения, в виду трудности на вербовать таковых среди горожан, и в виду удобства инструктирования первых — под видом беженцев.

Среди лиц городского сословия чаще попадаются фабрично-рабочие, мастеровые, пекаря, парикмахеры, мелкие торговцы и мастеровые из магазинов, весьма часто ученики. Редко попадаются люди интеллигентских профессий.

Агентами выбираются лица, безусловно грамотные по-русски и особенно по-латышски. Грамотность «по-немецки», не играет роли, не требуется, почему немецкие шпионы весьма часто вовсе не понимают по-немецки, зато обязаны понимать язык местного населения, по возможности язык неприятеля.

По возрасту чаще вербуются молодые люди до 18 лет, ученики и т. п., а также пожилые старики лет 55 и старше.

Вербовщики

Вербовщиков при каждом бюро бывает 2-3, для города и деревни свой особый.

В городе вербовщики ежедневно являются в бюро. Городские вербовщики состоят из молодых людей немецкой национальности, иногда унтер-офицеры германской армии, зачастую знающие хорошо и латышский язык. В Туккуме вербуют ходоков также барон Эльсен — сын (там же в бюро служит переводчиком Эльсен — отец), но он понятно, не единственный вербовщик. В каждом бюро, кроме того, вербовщиком состоит еврей, вербующий среди сельского сословия.

Среди наших военнопленных ходоки вербуются немецкими унтер-офицерами, хорошо говорящими по-русски, переодетыми иногда в нашу форму. Но иногда (в Шавлях) эту роль исполняют действительно наши унтер-офицеры, предавшиеся на сторону неприятеля.

В тюрьме (Митава, Туккум, Шавли и Либава) среди пойманных, но не уличенных (не сознавшихся) наших агентов, а также среди лиц, отбывающих срок заключения за правонарушения (кражи, драки и т.п.) вербовкой занимаются наши агенты, переходившие фронт 2-3 раза, предавшиеся затем немцам и исполняющие у них роль контрразведчиков при бюро. Здесь назначаются самые ловкие агенты и работают они успешно, число склоненных к немецкому шпионажу довольно велико, но изъявивших согласие принимаются в агенты весьма незначительная часть, а принятые проходят целую особую систему искусства и перевоспитания.

С декабря 1915 года немцы постепенно перестали пользоваться сначала военнопленными, затем сократили пользование на вербованными ими же лицами среди сельского

и городского населения, а с марта 1916 года перешли к пользованию почти исключительно на вербованными в тюрьмах ходоками, к весне перешли к системе пользования двойниками, удовлетворяющими известным условиям, к сентябрю 1916 г. прекратили пользование двойниками и снова начали посылать своих агентов, по-видимому, через Рижский залив (а не через окопы), по крайней мере на фронте таковые не обнаружены, между тем, имеются определенные признаки, указывающие, что для внедрения в наши пределы своих агентов, немцы использовали Рижский залив, а возможно, также озеро южнее Двинска, ибо осенью немцы инструктировали ходоков показывать, что они переплывали эти озера и попали к нам (в качестве перебежчиков и беженцев).

Судя по осенним инструкциям немцев 1915 г., приходится думать, что они снова стали усиленно пользоваться перебежчиками — нашими нижними чинами.

Излюбленным приемом вербовки является прельщение крупной суммой денег, обещание крестьянину усадьбы и разных льгот его родным. Помимо материального вознаграждения, немцы непременно каждому ходоку стараются внушить мысль о превосходстве своей культуры, техники, стараются воспитать в них убежденных германофилов.

До чего тонко и внимательно это продельвается, можно судить из примера:

В Туккуме, к одному интеллигентному беженцу (моему агенту), был приставлен молодой человек в качестве компаньона. Этот молодой человек знакомил беженца с произведениями немецкой литературы, искусства, музыки, параллельно разбирая и критикуя таковые русские, весьма искусно подбирая контрасты и неудачные стороны, почему выводы получались для нас неблагоприятные, наоборот, весьма рельефно выступали сильные стороны немецкого творчества.

Подобным же образом разбиралась и наука, и история, и техника, и нынешняя война. Молодой человек свел в Туккуме беженца даже на кладбище, показывая и русское и лютеранское, предлагая сравнить, хотя бы по устройству кладбища черты народа русского и германского. Кладбище православное действительно находилось в весьма плохом состоянии, немецкое же было благоустроено, могилы обнесены цветами и т.п.

И лишь — после того, когда, казалось, в достаточной степени было воздействовано на ум и психологию беженца в течении четырех недель, ему было предложено поступить в немецкие шпионы.

Важно отметить, что при вербовке немцы всячески избегают грубость, насилие, наоборот всячески стараются привлечь симпатию гуманным товарищеским обращением.

Содержание агентов

На вербованных агентов немцы при содержании и при обучении делят на 3 группы: 1) на вербованных среди местного населения, 2) на вербованных среди элементов, прошед-

ших к немцам через фронт (сознавших и не сознавших наших ходоков, беженцев, перебежчиков и т. п.) и 3) на вербованных среди военнопленных.

Эти три категории агентов-ходоков еще летом 1915 года содержались отдельно (каждая категория), но ходоки одной и той же категории помещались зачастую вместе, в общих помещениях, вместе столовались, вместе обучались, так что друг друга видали и знали в лицо. Но с осени 1915 года (ноября месяца) ходоки всех категорий были немцами размещены по одиночке, был проведен принцип строгого изолирования. Толчком к принятию такой меры послужил провал Шавельской шпионской организации. Почти все ученики которой (кажется 9) были нами заблаговременно распознаны и при прохождении фронта уличены. Но один из учеников этой школы был командирован одной из наших армейских шпионских организаций обратно к немцам, где известил, что произошел провал Шавельской организации, и был оставлен при бюро (в Митаве) в качестве контрразведчика.

Обращение с ходоками в общем хорошее, приятельское, офицер, ведущий разведку, подает им даже руку, угощает пивом, вином и т. п. Стол хороший.

Помещение: агенты упомянутой второй категории сначала содержатся в тюрьме в одиночной камере, затем переводятся в частную квартиру, где живут в отдельной (запертой) комнате у учителя или инструктора. Агенты 3-й и 1-й категории живут также на частных квартирах в комнате, под присмотром. Агенту на содержание выдается 2–3 рубля в сутки, за которые он может покупать какую угодно провизию. Во время содержания агентов охотно и часто угощают вином, пивом и сигарами бесплатно.

Не только наблюдатель, но и учитель и инструктор (в Митаве даже офицер) стараются всячески угостить агента, завязать с ним близкие дружеские сношения, а совместные товарищеские попойки (в Шавлях, Митаве, иногда в Туккуме) еще больше укрепляют дружбу.

Перед отправлением на разведку, устраивается с агентом довольно часто нежная сцена прощания, пожелания всего наилучшего, и скорейшего возвращения, при чем постоянно агента напутствуют и инструктор, и офицер.

При выдаче денег на дорогу, немцы часто (Митава, Туккум, Шавли) проявляют особую небрежность к деньгам и барство, например, лейтенант открывает ящик письменного стола, вынимает целую горсть бумажек и не считая суммы, передает их ходоку, обещая при возвращении обогатить его, опять-таки не называя суммы. Такой прием довольно сильно влияет на агентов, многие из них уверены, что при возвращении получат чуть ли не тысячи.

Интересно отметить, что с агентов никаких расписок и других оправдательных документов при денежных расчетах ни в одном бюро не берется.

Благодаря таким мерам и воздействию на психологию, немцам в совершенстве удается овладеть неустойчивой личностью агента и поработить его так, что таковой является к нам часто уже в качестве убежденного, тертого германского шпиона, связанного с той стороной не только материальными выгодами, но и узами дружбы и симпатией.

Обучение агентов, как уже упоминалось, до осени 1916 года велось в особых школах и совместно, но с осени все бюро перешли к системе одиночного обучения и строгого изолирования агентов.

Курс обучения строго разделен на две части:

- 1) преподавание сведений, необходимых для каждого разведчика,
- 2) инструктирование или способы объяснения своего появления и пребывания на допросе у русских.

Первой частью обучения ведаает учитель, второй инструктор.

Учитель

Учитель обыкновенно назначается из немецких вахмистров, говорящий хорошо на местном языке по-русски.

(В Кукинишках, Свенцянах и Шавлях по-польски и по-литовски).

Преподают следующие сведения:

- 1) Роды оружия русской армии (пехота, артиллерия, кавалерия, инженерные, воздухоплавательные, латышские части и ополченские организации), их отличительные наружные признаки: плечевые знаки, головные уборы, обмундирование, снаряжение, вооружение.
- 2) Организация войск: роты, батальоны, полки, дивизии, корпуса и армии.
- 3) Штабы, распознавание их и организация.
- 4) Краткие сведения из инженерного и артиллерийского дела: виды полевых укреплений и искусственных препятствий, виды орудий и батарей, способы определения калибров (на глаз).
- 5) Пути сообщения и учет движения по ним.
- 6) Как вести агентурную разведку: практические советы, указания и разбор всяких способов получения сведений, разных признаков грядущих событий, перегруппировок войск и т. п.

Упомянутые сведения преподаются в более или менее полном или сокращенном виде, или даже с пропусками некоторых отделов, в зависимости от общего уровня развития агента и, редко, в зависимости от предположенной задачи.

Обучение длится одну-три недели. По окончании обучения, устраивается проверочное испытание, в котором участвуют, кроме учителя, офицер из бюро.

Инструктор

По признании агента, усвоивших курс обучения, он переходит в ведение инструктора и поселяется, зачастую, в его же квартире.

Инструктором выбирается лицо высшей интеллигентности, с широким образованием, знанием не только языков, но и края и местных условий, знакомое с психологией личности

и толпы. Инструктора — люди штатские. Во всех бюро инструкция часто изменяется и дополняется лично заведующим бюро или его помощником.

В Митаве и Туккуме имеется по два инструктора, жившие в мирное время в Риге и Петрограде, знающие хорошо население и топографию Лифляндской и Витебской губерний и населенные пункты. Инструктора присутствуют при допросах всех вернувшихся или задержанных на передовой линии агентов своих и наших, в виду чего они всегда в курсе дела о всех тех условиях, с которыми приходится германскому шпионажу сталкиваться на нашей стороне.

Задача инструктора:

1) Приготовить для ходака такой рассказ, который по своей достоверности, мог бы отвлечь на допросе в русских штабах подозрение в причастности задержанного рассказчика (германского агента) к шпионажу.

2) Научить агента с большей степенью правдоподобно объяснить причины своего появления и пребывания на русской стороне.

3) Внушить самому агенту мнение о непогрешимости и идеальности преподанной ему инструкции, и что он до тех пор неуязвим, на русских допросах, пока твердо и слепо держится своей инструкции.

Инструктирование

Инструктор начинает с того, что подробнейшим образом знакомится с биографией агента и ближайших членов его семейства, особенно подробно останавливаясь на событиях, предшествовавших занятию края неприятелем и во время занятия, поскольку эти события затрагивают агента и его близких.

На этой биографии, искусно мешая правду с вымыслом, и строится вся инструкция, которая без большого труда может быть запомнена, а рельефно и подробно очерченные правдивые места подкупают, так сказать, авансом доверие в местах вымышленных. И человеку, неопытному, действительно, бывает крайне трудно, иногда невозможно уличить агента, показывавшего на допросе по инструкции, в которой на случай допроса почти все предусмотрено, почти на всякий вопрос уже заранее заготовлен ответ.

Но и напрактиковавшемся человеку не легко уличить хорошо инструктированного (особенно интеллигентного) агента, хотя со временем вырабатывается особое в этом отношении чутье.

Не раз в своей практике я со своим помощником (он же инструктор), оба выслушавши безмолвно рассказ агента, независимо друг от друга в точности сходились в определении мест и инструкции правдивых и вымышленных, и когда эти места указывали агенту, тот растерялся и сразу сознался.

Пример. В июле 1916 года вернувшийся из Свенцяг агент Строже Эмиль, инструктированный немцами по так называемой трех-этажной инструкции (см. ниже) показывал по «инструкции № 7», между прочим, что немцы везли его на автомобиле, на котором находился флаг армии (на обнесённом красной каймой квадрате в шахматном порядке расположенные черные и белые квадраты, как о том был обучен Строже перед отправлением моим учителем), причем на агента Строже были одеты непроницаемые очки, в одном стекле которых ему удавалось незаметно выскоблить маленькое отверстие, через которое по пути видел ... и т. д. при этом агент подробно и весьма достоверно описывал и местность, через которую проезжал до позиции и давал кажущиеся, весьма достоверные сведения боевого характера, якобы виденные по пути, при чем настолько подробно описывал местность и города, через которые проезжал на автомобиле, что трудно было сомневаться, чтобы агент этой местности не видел своими глазами, т. е. что история с очками не правдивая.

Когда я на третий день с помощниками указали ему в его показаниях места, соответствующие действительности и те места, которые он показывал по инструкции, к которой, между прочим, относились виденный якобы флаг на автомобиле указали, что флаг нашим учителем был придуман нарочно, для проверки агента, и история с проскабливанием очков, ходок растерялся до того, что сознался, что указанные места в его показаниях действительно были ему внушены по инструкции.

О с н о в ы г е р м а н с к о й и н с т р у к ц и и

Германская инструкция в общем строится на следующих основаниях.

- 1) Вносится элемент правды, который особенно рельефно и подробно очерчивает, и весьма искусно перемешивается с вымыслом.
- 2) Этот вымысел и должен отвлечь от агента все подозрения в шпионстве или неправдивости.
- 3) Оба упомянутых пункта основываются и вытекают из биографии агента или определенного события и стоят в точной, между собой, хронологической связи.
- 4) Инструкция приравнивается во всех отношениях к агенту, а не агент к инструкции.
- 5) Хорошая инструкция, как своеобразная ювелирная работа, пестрит всевозможными мелкими и яркими узорами, подробно и детально сработанными, отшлифованными и подогнанными к целому, без малейшего нарушения где-либо естественной, логической и хронологической связи.

Особенное внимание в инструкции уделяется времени, проведенному у немцев и способу прохождения передовой линии (внедрение в наши пределы).

- 6) Детали инструкции внушаются не только слуховой, но, при малейшей к тому возможности зрительной памятью, например: если агенту приказано говорить, что он работал

в такой деревне, то агент отвозится в эту деревню (на автомобиле), там ему показывают не только топографию, и — обстановку местности, но и фактически он знакомится с отдельными лицами этой деревни, разговаривает с ними.

В виду невероятности такой подробной обработки инструкции и для иллюстрации немецкой настойчивости в этой обработке, приведу один из многочисленных примеров:

Агенту Дункелю Герберту в частности инструкции, касающейся способа и места его перехода в наше расположение, приходилось показывать, что после некоторого скитания, он лесами и вышел в Кельнцемскую волость, где на левом берегу р. Аа в усадьбе «Удре» нашел гостеприимный приют у лавочника Яунзема, который укрыл его, кормил, в последствии переправил ночью через реку и лесными тропами провел через болото восточнее Магнель и указал направление, идя по которому Дункель вышел в наши посты, причем Яунзем еще дал на дорогу агенту 6 руб., не подозревая в нем немецкого шпиона.

Для обработки этой части инструкции Дункель из Митавы (в марте 1916 года) на автомобиле, в непроницаемых очках был доставлен в эту усадьбу Удре (в 25 верстах от Митавы) в сопровождении инструктора и офицера из бюро, переночевали в усадьбе, подробно ознакомили Дункеля с обстановкой и топографией в сей окружающей местности, привезли ему и местных жителей, но Яунзема в это время не было в усадьбе. На другой день вернулись обратно в Митаву, куда через 2-3 дня был вызван Яунзем в бюро, туда же вызвали и Дункеля, приказали ему подробно заметить наружность Яунзема и несколько поговорить с ним. Знал ли Яунзем и понимал ли ту роль, которую он в данный момент играл, сказать трудно, возможно, что он был использован немцами для дополнения инструкции, как слепое орудие.

Пути Дункеля до «Удре» и оттуда через реку и немецкую линию были подробнейшим образом ходоку объяснены по 2-х верстной карте. С другими местами, где якобы побывал Дункель, последний был ознакомлен также отчасти по карте, отчасти по альбомам, картографическим снимкам местных предметов и планам тех городов и местечек, через которые согласно инструкции, якобы проходил Дункель. Другого ходока возили из Свянцан показывать Дрисвятское озеро и местечко, ибо в инструкцию входило показывание и переплывание этого озера.

Приведенное представляет типичный пример разработки немецкой инструкции, без какой не выпускается ни один агент.

7) Каждая инструкция должна отличаться своеобразием, оригинальностью замысла и, помимо правдивости — носить в себе данные, могущие толкнуть русских к предложению агенту поступить к ним на службу и вернуться обратно к немцам, отчего агент вначале должен притворно отказываться.

Ни одна инструкция не должна походить на другую.

8) Инструкция должна быть подробно разработана в пространстве и во времени, почему последняя 1-2 месяца до перехода агентом линии разрабатывается (по карте) до дня, а последние дни еще подробнее.

9) В инструкции на фоне странствования при правдивой обстановке (иногда действительной) вносятся сведения боевого и контрразведывательного характера и правдивые, и вымышленные, с целью введения нас в заблуждение.

10) Ввиду разнообразия типов агентов и, поэтому, еще большего разнообразия инструкции, нет возможности в кратком изложении рассмотреть содержание даже типичнейших инструкций, можно лишь отметить, что агенты прибывают к нам чаще всего под видами всякого рода беженцев, окопных рабочих, перебежчиков и т.п., но нередко и под видом германского шпиона, посланного на разведку, но не желающего служить немцам из-за разных причин (патриотизм, обида, месть, желание уйти из Курляндии, свидание с родными, получения наследства и т. д.).

11) Для интеллигентных людей и двойников инструкции даются более сложные, так называемые «2-х и 3-х этажные».

Закljučаются они в следующем:

I. Двойник должен на допросе показывать: «инструкция № 1», инструктированное описание местностей и событий, якобы настоящих, действительных, со времени перехода нашей линии до обратного к нам возвращения (т. е. все время пребывания у немцев). В этой инструкции агент ни в коем случае не должен сознаваться.

Это так называемая правда.

II. «Инструкция № 2: такое же инструктированное описание, но сознаваться, что показанное внушено ему немцами и для сокрытия правды и для введения в заблуждение русских, но заявить при этом, что сознаться в этой инструкции ему строго запрещено.

Это так называемая «мнимая правда».

III. «Инструкция № 3»: после показаний на допросе по инструкции № 2, когда русские по логике обратятся к агенту с вопросом: «если в этом тебе запрещено сознаться (во 2-й инструкции) то, что же приказано нам показывать». Тогда агент дает показания по 3-й инструкции. Это также инструктированное — описание местностей и событий, при чем агент должен заявить, что в этом ему приказано было сознаться.

Это так называемая «мнимая ложь».

Все эти три инструкции подробнее разрабатываются и во времени и в пространстве, с соблюдением всех упомянутых в п.п.1 и 2 оснований инструкций, при чем каждая из них должна резко отличаться от другой.

Как видно, при последней системе (3-х этажной) инструктирования «настоящая правда» ускользает от допрашивающего, человек же мало опытный ничего не в состоянии

вынести из допроса, умный развитый агент на допросе легко может проскочить или не дать сведений «настоящей правды».

Поэтому пользование двойниками не опасно лишь в руках опытного и развитого руководителя группы, знакомого с приемами и техникой германского шпионажа.

Отсюда и ясна роль и личность инструктора.

Техника инструктирования

По ознакомлении с биографией агента инструктор пишет инструкцию № 1 — для менее развитых агентов единственную.

По усвоении этой инструкции при помощи карт, альбомов, планов, фотографических снимков и т.п. производится – офицером из бюро совместно с инструктором проверка степени ее усвоения, при чем офицер внимательно проверяет все детали инструкции по 2-х верстной карте и др. данным пособиям, обращает самое серьезное внимание на точность описания обстановки, топографию местности и наружности встречающихся в инструкции лиц.

Если имеются основания для более сложного инструктирования то, по усвоении 1-й инструкции, агенту передается 2-я инструкция, а затем, при надобности, и 3-я.

Как 1-я, также точно и 2-я и 3-я инструкция передаются агенту подробно разработанные по дням.

По усвоении инструкции с агента снимается фотография, дактилоскопический отпечаток пальцев и снимаются некоторые антропометрические измерения, все это с подробным описанием внешности агента, заносится в особый журнал.

Потом уже агент препровождается на автомобиле на передовые позиции в непроницаемых очках. По пути, в некоторых местах агенту снимаются очки и показываются фотографии и обстановка местности, внушаются сведения боевого или контр-разведывательного характера (все это согласно инструкции) и затем агент уже пропускается в нашу сторону в пункте, заранее определенном инструкцией.

Способы обратного проникновения к немцам

Выбор способа, которым немцы рекомендуют пользоваться для обратного проникновения к ним, зависит от биографических данных агента: кто должен проникнуть к своим родным, прожить там некоторое время, затем заручиться документами личности через волостные правления, беженские организации, путем кражи документов, реже должен пользоваться врученными немцами и подделанными документами.

Затем по «ознакомлении» своего пребывания должен поступить рабочим в окопы, дорожные и др. организации, в мелкие торговцы вблизи окопов, вступить добровольцем

в войска и т. д., затем, в удобный момент перейти передовую линию и там, у немцев заявить, что он такой-то агент, посланный туда-то и возвращается обратно туда-то.

Даваемые иногда агентам немцами всякие пароли служат лишь для отвода глаз, чтобы агент верил в могущество немецкой организации, что о нем (агенте) на всем фронте известно, и где бы он не проходил немецкую линию, его всюду примут как своего и не будут стрелять в него при прохождении проволочных заграждений.

Пароль лишь одно из средств внушения, чтобы агент не боялся проходить обратно. В последнее время немцы почти совершенно прекратили пользование паролями.

Организация контрразведки при бюро

Об специально — контрразведывательных организациях против армий Северного фронта, сведений не поступало. Можно предполагать, что таковых организаций на фронте вовсе не имеется, а германское шпионское бюро («Нахрихтан Штелле») объединяет в себе все функции разведки и контрразведки, изучая подробно наши организации, их личный состав и приемы работы, которые им важно знать для руководства своей разведкой и для инструктирования своих агентов. Германцы знают, что у нас существует и контрразведка на фронте, но со своей стороны почти никакого интереса не проявляли к этим организациям и все внимание сосредотачивают на активных разведывательных агентурных наших группах, что видно, между прочим, по раздаваемым агентам задачам.

Не имея контрразведывательных организаций, тем не менее при каждом бюро имеются по несколько агентов с чисто контрразведывательными функциями. Эти агенты вербуются исключительно из бывших агентов разведки, проходивших фронт несколько раз как немецкие агенты или предавшиеся наши агенты и двойники. При каждом немецком бюро имеется от каждой нашей агентурной группы несколько таковых агентов, более или менее основательно знающих нашу группу, ее квартиры, личный состав, порядки и т. д.

Эти же агенты присутствуют на допросах, впоследствии дополнительно допрашивают наиболее упорных не сознавшихся наших агентов, стараются их сбить в своих показаниях, ошеломить своей осведомленностью над каждым пройденным у нас шагом нашего ходака, устраивают ему очные ставки с другими пойманными ходаками, и разными трюками на этих ставках стараются у ходака вынудить сознание.

Эти же контрразведывательные агенты подсаживаются в одну камеры с упорствующими, или рядом, или в камеру с окнами, обращенными в сторону окон камеры упорствующего, подмазываются к ним во время прогулок на дворе и разными способами стараются раскрыть ходака.

Работа этих контрразведчиков часто дает положительные результаты, но сфера их действий ограничивается лишь задержанными и числящимися за бюро лицами.

Эти контрразведывательные агенты получают, по видимому, хорошее содержание, хорошо одеты, проживают в чистых квартирах, и подчиняются начальнику бюро, а также инструктору.

При задержании кого-либо на фронте и доставке в бюро прилагают усилия к их расшифрованию.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что личный состав служащих при бюро за время свыше года не менялся ни разу. Из офицерских чинов лишь один обер-лейтенант из Митавского шпионского бюро был переведен в Туккумское бюро.

Заведующие шпионским бюро офицеры и их помощники в большинстве случаев говорят на местных языках, некоторые из них (Митава, Туккум) еще в мирное время проживали в Риге, в Петрограде, Двинске и др. местах, по-видимому, исполняя уже тогда секретные поручения германского военного министерства. Все служащие в германских шпионских бюро офицеры довольно молодые, возраста не старше 35–38 лет.

Подлинное подписал поручик ПЕККА

Архив управления ФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Арх. № 19/197. Л. 26–36.

¹ Лиддел Гарт Б. Г. Правда о Первой мировой войне / Пер. с англ. О. Триэля. М., 2010. С. 474.

² Турло С. С., Залдат И. П. Шпионаж. М., 2002. С. 121. По мнению редактора издательства «X-History», опубликовавшего в открытой печати эту книгу носящей с 1924 г. гриф «секретно», И. П. Залдат помогал подлинному автору — С. С. Турло лишь в подборе и обработке материалов.

³ Звонарев К. К. Агентурная разведка. Том 1. Русская агентурная разведка всех видов до и во время войны 1914–1918 гг. М., 1929. С. 158–159.

⁴ Лиддел Гарт Б. Г. Указ. соч. С. 61–62.

⁵ Головин Н. Н. Военные усилия России в мировой войне. Жуковский; М., 2001. С. 367, 566–567 и др.

⁶ Соболев Г. Л. Тайна «немецкого золота». СПб., 2002. С. 101–103.

⁷ Там же. С. 19.

⁸ Никитин Б. В. Роковые годы (Новые показания участника). М., 2007. С. 70, 40.

⁹ Батюшкин Н. С. Тайная военная разведка и борьба с ней. Лекции на Зарубежных Высших военно-научных курсах проф. Головина в Белграде (1933–1938 гг.). София, 1939. С. 84, 94.

¹⁰ Мерзляков В. М. Об организации контрразведывательных органов России // Исторические чтения на Лубянке. 1988 год. Российские спецслужбы на переломе эпох: конец XIX века – 1922 год. М.; Великий Новгород, 1999. С. 13.

¹¹ Зданович А. А. Свои и чужие – интриги разведки. М., 2002. С. 39–42.

¹² Галвазин С. Н. Охранные структуры Российской империи: Формирование аппарата, анализ оперативной практики. М., 2001. С. 60–88.

¹³ Зданович А. А. Организация и становление спецслужб российского флота // Исторические чтения на Лубянке: 1997 год: Российские спецслужбы: История и современность. М.; Великий Новгород, 1999; Назаренко К. Б. Флот, революция и власть в России: 1917–1921. М., 2011, и др.

¹⁴ *Зверев В. О.* Противодействие германскому военно-промышленному шпионажу в Санкт-Петербурге накануне Первой мировой войны: монография. Омск, 2008. С. 4–5.

¹⁵ *Старков Б. А.* Охотники на шпионов-2. Пасынки Великой войны. Контрразведка последней войны Российской империи 1914–1917. Часть III. Российские орлы против Австро-Германских ястребов. СПб., 2007. С. 351.

¹⁶ Архив управления ФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (далее — Архив УФСБ РФ по СПб и области). Арх. № 19/197. Л. 26–36.

¹⁷ *Каминский В. В.* Выпускники Николаевской Академии Генерального Штаба на службе в Красной Армии. СПб., 2011. С. 647.

¹⁸ В январе 1918 г. Контрразведывательное отделение штаба Главнокомандующего армиями Северного фронта было переименовано в Отделение военного контроля.

¹⁹ Архив УФСБ РФ по СПб и области. Арх. № 19/197. Л. 4–17, 18–25.

²⁰ Там же. Л. 1–3.

²¹ Там же. Л. 37, 38.

²² Там же. Л. 39–45.

²³ *Никитинский И., Софинов П.* Немецкий шпионаж в царской России. Сборник документов. М., 1942. С. 43–81.

²⁴ Архив УФСБ РФ по СПб и области. Арх. № 19/197. Л. 26–36.

²⁵ *Старков Б. А.* Охотники на шпионов. Контрразведка Российской империи 1903–1914. СПб., 2006. С. 299.

²⁶ *Яковлев Л. С.* Контрразведка России накануне и в годы Первой мировой войны // Исторические чтения на Лубянке. 1997 год. Российские спецслужбы: история и современность. М.; Великий Новгород, 1999. С. 35.

²⁷ Белая книга российских спецслужб. М., 1995. С. 12.

Иванов В. А. **Разведывательная работа германского Генштаба против армий Северного фронта и борьба со шпионажем в 1915–1917 годах (из документов Архива УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленобласти) // Новейшая история России. 2014. № 3 (11). С. 292–311.**

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); saw357@mail.ru

'German Intelligence on the Russian Northern Front and Counter-Espionage in 1915–1917 (Based on Documents of St. Petersburg and Leningrad Region FSB Archive)'

A publication by V. A. Ivanov

AUTHOR: Doctor of History, Honored High School Educationalist of Russian Federation, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); saw357@mail.ru

REFERENCES:

- ¹ Liddel Hart B. G. *Pravda o Pervoi mirovoi voine* (Moscow, 2010).
- ² Turlo S. S., Zaldat I.P. *Shpionazh* (Moscow, 2002).
- ³ Zvonarev K. K. *Agenturnaia razvedka*. Vol. 1. *Russkaia agenturnaia razvedka vseh vidov do i vo vremia voiny 1914–1918 gg.* (Moscow, 1929).
- ⁴ Golovin N. N. *Voennye usiliia Rossii v mirovoi voine* (Moscow, 2001).
- ⁵ Sobolev G. L. *Taina «nemetckogo zolota»* (St. Petersburg, 2002).
- ⁶ Nikitin B. V. *Rokovye gody (Novye pokazaniia uchastnika)* (Moscow, 2007).
- ⁷ Batiushkin N. S. *Tainaia voennaia razvedka i borba s nei. Lekcii na Zarubezhnykh Vysshikh voenno-nauchnykh kursakh prof. Golovina v Belgrade (1933–1938 gg.)* (Sofia, 1939).
- ⁸ Merzliakov V. M. 'Ob organizatsii kontrrazvedyatelnykh organov Rossii' in *Istoricheskie chteniia na Lubianke. 1988 god. Rossiiskie spetssluzhby na perelome epokh: konets XIX veka – 1922 god* (Moscow - Velikiy Novgorod, 1999).
- ⁹ Zdanovich A. A. *Svoi i chuzhie – intrigi razvedki* (Moscow, 2002).
- ¹⁰ Galvazin S. N. *Okhrannye struktury Rossiiskoi imperii: Formirovanie apparata, analiz operativnoi praktiki* (Moscow, 2001).
- ¹¹ Zdanovich A. A. 'Organizatsiia i stanovlenie spetssluzhby rossiiskogo flota' in *Istoricheskie chteniia na Lubianke: 1997 god. Rossiiskie spetssluzhby: Istorii i sovremennost* (Moscow - Velikiy Novgorod, 1999).
- ¹² Nazarenko K. B. *Flot, revoliutsiia i vlast v Rossii: 1917–1921* (Moscow, 2011).
- ¹³ Zverev V. O. *Protivodeistvie germanskomu voenno-promyshlennomu shpionazhu v Sankt-Peterburge nakanune Pervoi mirovoi voiny: monografiia* (Omsk, 2008).
- ¹⁴ Starkov B. A. *Okhotniki na shpionov-2. Pasyunki Velikoi voiny. Kontrrazvedka poslednei voiny Rossiiskoi imperii 1914–1917. Part III. Rossiiskie orly protiv Avstro-Germanskikh iastrebov* (St. Petersburg, 2007).
- ¹⁵ Kaminskii V. V. *Vypuskniki Nikolaevskoi Akademii Generalnogo Shtaba na sluzhbe v Krasnoi Armii* (St. Petersburg, 2011).
- ¹⁶ Nikitinskii I., Sofinov P. *Nemetckii shpionazh v tcarskoi Rossii. Sbornik dokumentov* (Moscow, 1942).
- ¹⁷ Starkov B. A. *Okhotniki na shpionov. Kontrrazvedka Rossiiskoi imperii 1903–1914* (St. Petersburg, 2006).
- ¹⁸ Yakovlev L. S. 'Kontrrazvedka Rossii nakanune i v gody Pervoi mirovoi voiny' in *Istoricheskie chteniia na Lubianke. 1997 god. Rossiiskie spetssluzhby: istorii i sovremennost* (Moscow - Velikiy Novgorod, 1999).
- ¹⁹ *Belaia kniga rossiiskikh spetssluzhb* (Moscow, 1995).